

гичном производстве существует только один, глобальный рынок» в реальности означает, что «в высокотехнологичном производстве» господствуют глобальные международные монополии, что тезис о «свободной конкуренции» является либеральным мифом и одновременно блефом.

С другой стороны, господство глобальных ТНК не может устранить само понятие национальный рынок, если только само национальное государство не захочет этого, как, например, это произошло в Польше и в ряде восточно-европейских стран, позволивших иностранному капиталу приватизировать почти все национальное производство, превратив его в филиалы своих ТНК, уничтожив при этом ненужные им производства, обрекая миллионы работников в этих странах на безработицу.

Многополярная система не только наиболее устойчива из всех существующих, но и наиболее справедливая система, дающая всем нациям право и шанс на выживание, на воспроизводство своего общества. Прошедшие годы убеждают нас в том, что, во-первых, **лидер глобализации США** не собирается сдавать свои позиции, что концепция однополярного мира почти безоговорочно поддерживается всеми странами Запада, входящими в НАТО. Одновременно мы видим, что за прошедшие годы национальные хозяйства и национальные ранки не только не исчезли, но и укрепились, создавая региональные блоки. При этом сам по себе факт существования многополярности в современном мире от России уже не зависит – Россия может либо присоединиться к нему, добиваясь роста своей макроконкурентоспособности и имперского Величия, либо, отказавшись от этих претензий, плестись в хвосте американского однополярного мира, став «младшим партнером», а, по сути, вассалом США. Словом, выбор – не велик. Проснувшийся от либеральной «спячки» латиноамериканский мир, исламский мир, страны «БРИК», динамичный и великодержавный Китай, Япония и ряд других региональных центров, – все они в совокупности уже реально существуют, стремясь отстаивать право не только на свою национальную идентичность, но и на многополярность, что предполагает защиту своего суверенитета, своих общенациональных интересов, объединяясь для этого в региональные политические и военно-политические блоки. В. Путин в своей мюнхенской речи подчеркнул: «Суммарный ВВП Индии и Китая по паритетной покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки. А рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай – превосходит совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только возрастать. Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно

конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность» [8, С. 6-7].

Очевидно, что этот процесс требует своего теоретического осмысления, причем не только и не столько политического, сколько – политико-экономического. А для этого необходим решительный отказ от американизированных стандартов и стереотипов мышления, проникших в общественные науки, в частности, в экономическую теорию

Список литературы

1. Иванов С. Мертвая петля. Парламентские слушания: что нас ждет в ВТО? – Советская Россия. – 21.02.2001. – С. 2.
2. Интервью «Независимой газете» Первого заместителя министра сельского хозяйства Сергея Данкверта // Независимая газета. – 08.02.2002. – С. 3.
3. Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 78.
4. Независимая газета. 08.02.2002. С. 3.
5. Олейников. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2-х ч. / отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 610-611.
6. Советская Россия. 21.02.2001. С. 2.
7. Сайт: Соотечественники // <http://compatriots.ru/publikacii/spisok-publikacii/vremya-natsionalnykh-rynkov-proshlo-putin.html>.
8. Цит. по: Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства / отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 6-7.

НЕОПТИМАЛЬНАЯ АЛЛОКАЦИЯ ФАКТОРА ПРОИЗВОДСТВА И ИСЧЕЗНОВЕНИЯ РЕНТЫ

Олейник Т.Л., Кудрявцев М.А., Кустов Д.А.,
Пустовитова Т.И., Сизова О.В., Трейгер Е.М.

*Международная Академия оценки и консалтинга
(МАОК), Москва, e-mail: olgasizova@inbox.ru*

Авторы приводят результаты исследования факторов производства и исчезновения ренты в условиях голландской болезни.

Анализируются стандарты государственно-го управления экономикой и бюджетной сферой.

Факторы производства и исчезновение ренты. Известно, что оптимальным размещением факторов производства (аллокация), является размещение, выравнивающее предельный продукт этих факторов в разных сферах приложения. С другой стороны, поскольку конкурентное равновесие обеспечивает вознаграждение факторов производства, отвечающее их предельному продукту, и оно же обеспечивает выравнивание вознаграждения в разных сферах приложения, то рыночные механизмы способствуют оптимальному размещению факторов производства. Государству остаётся только обеспечить нейтральное налогообложение, минимально искажающее сигналы к размещению ресурсов по сравнению с гипотетическим конкурентным оптимумом «до налогообложения».

Проблемой в описанном решении задачи оптимальной аллокации является серьёзное отклонение рыночного вознаграждения факторов производства от их предельного продукта. Тяжесть ситуации заключается в том, что именно в отраслях с убывающей отдачей (прежде всего, в добывающих, но также в сельском хозяйстве и сфере услуг) вознаграждение факторов производства часто оказывается выше предельного продукта.

В свою очередь, в обрабатывающих отраслях – ниже «общественного» предельного продукта (посчитанного с учётом экстерналий этого сектора).

Разбирая вопрос превышения доходов над предельным продуктом, следует понимать, что «голландскую болезнь» создаёт не обязательно нефть, а вообще *любые не обложенные достаточными налогами рентные источники дохода*.

Чтобы размещение факторов производства было оптимальным, всякий ограниченный ресурс должен оплачиваться по полной. Если бы государство умело полностью взимать ренту за месторождения, земельные участки и т.д., проблем бы не возникало. Ожидаемым результатом становится то, что в сырьевых отраслях «толпится» больше капиталов, предпринимателей и работников, привлечённых лёгким заработком, чем это диктуется требованием выравнивания предельного продукта.

Стране такое положение дел невыгодно: мы имеем дело с глобальной неэффективностью использования факторов производства, причём не на отдельных предприятиях или в отраслях, а на уровне всей страны.

Один из парадоксов в том, что распыление ренты и создание привилегированных слоёв-пользователей ренты становится более вероятным в обществах с устоявшимися представлениями о праве всех граждан на доступ к любому общенародному достоянию. Максимизация оплаты за пользование месторождениями, за сжигаемую нефть позволила бы аккумулировать в бюджет больше денег и решать насущные общенародные задачи.

Даже если страна не проводит политику искусственного «всеобщего доступа» к «общенародному достоянию», то всё равно можно прогнозировать постепенное исчезновение излишка сырьевых отраслей в результате распространения облегчённых стандартов факторной производительности. (Напомним, в нашем понимании излишек – это та дополнительная бухгалтерская прибыль, которую можно было бы извлечь, если бы все занятые факторы производства получали прежнее конкурентное вознаграждение при прежней интенсивности загрузки). Изъём государство это излишек сразу же, он бы поначалу остался. Таким образом, растроченная часть излишка перестаёт быть легко аккумулируемыми деньгами. Необходимы глу-

бокие реформы, влекущие повышение отдачи факторов производства во всей экономике, чтобы хотя бы «увидеть» эти деньги.

Подчеркнём ещё раз, что затраты факторов производства в сырьевых отраслях не отвечают прежней производственной функции. Их предельный продукт стал выше за счёт той части дохода, которую раньше можно было отнести к ренте. С самого момента повышения цен и первичного присвоения (растраты) излишка значительная часть его расходуется получателями на закрепление своей привилегии, на удержание позиций получателя излишка. В результате этих процессов происходит дополнительное падение эффективности использования фактора производства при данном уровне загрузки, а также снижение его качества.

Часть фактора будет бесполезно тратиться на непроизводительную деградацию, направленную на удержание привилегии, дополнительное снижение эффективности будет вызвано неоптимальной аллокацией.

Стандарты госуправления и бюджетной сферы. Мы предполагали, что дополнительная выручка нефтедобывающей компании не изымается государством. Излишек, распределяющийся при этом среди доноров бюджета, вёл к снижению стандартов интенсивности и эффективности использования факторов производства, деградации их качества. Но та же самая методология указывает, что аналогичные процессы происходят и тогда, когда государство изымает у добывающей компании образовавшийся излишек. И если раньше «застрельщиком» деградации выступали сами компании, а затем их отравленные стандарты «растворились» во всей экономике, включая государственный сектор, то теперь процесс начинается с государственного сектора.

Появление у государства дополнительных доходов рентного характера зарождаст стимулы к двум направлениям расходования. Первое – действительно нужные расходы, улучшающие долгосрочные позиции страны, второе – тот или иной способ растраты излишка.

Представим, что в условиях быстрого роста доходов государство резко увеличивает капиталовложения в инфраструктуру. Строительный сектор не может моментально нарастить свои мощности и сохранить ту же себестоимость строительства. Придётся ввозить из-за границы недостающий цемент, закупать новую технику, переманивать дополнительными заработками рабочих из других отраслей и обучать их. Всё это неизбежно приведёт к резкому подорожанию инфраструктурных проектов – по крайней мере, на тот период, который необходим для расширения строительного сектора до новых масштабов, строительства новых цементных заводов, привлечения дополнительных специалистов, закупки новой техники. Тем временем

прежняя часть строительного сектора, выполняющая заказы по завышенным ценам, будет повышать незаслуженно высокие доходы, и это отравит стандарты производительности.

В государственном секторе механизмы конкурентного выравнивания работают очень медленно. Статус госслужащего, например, более надёжен и прочен, чем статус работника небюджетной сферы, а его конкурентное замещение занимает время, сравнимое с жизнью поколения. По этой причине неравномерное распределение государственного излишка держится долгое время, актуализируя модели «распределения власти» между разными слоями населения. Большое влияние оказывает географический фактор: ясно, что жители столицы и столичного региона оказывают большее влияние на решения властей, чем жители провинции, а население крупных городов – большее, чем население удалённых сельских районов. В данном случае влияние выражается в более коротких (в среднем) цепочках знакомств с представителями власти.

Тем самым, точка зрения, интересы и нужды географически привилегированных регионов всегда представлены в органах власти лучше, чем точка зрения и нужды удалённых и труднодоступных мест. Кроме того, влияние оказывает угроза массовых акций протеста, более чувствительных для власти в столице и крупных городах.

Поэтому при распределении государственного пирога власти предоставят более щедрые подачки «географическим льготникам» – либо напрямую в виде более щедрого финансирования, либо в форме не облагаемых налогом возможностей более лёгкого заработка.

Итогом растраты излишка в государственном секторе тоже станет установление равновесия, в котором неоднородность качества, интенсивности загрузки и эффективности использования факторов производства будет на длительное время закрепляться неоднородностью распределения власти.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ О ПРОТЕСТАНТСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Олейников А.А.

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, Москва,
e-mail: alek.oleinikoff2010@yandex.ru*

1. Протестантская этика и дух капитализма. Именно так и называется известная работа крупного немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920), в которой он изложил свою концепцию о зависимости капиталистических форм хозяйства от капиталистического духа. Вебер, ставя вопрос о происхождении капита-

лизма, указывает на его зависимость от *духа религии* – от протестантской хозяйственной этики. В частности, он подчеркивает, что капитализм оказывается *производным* от упомянутого *духа* [3, С. 340-345].

Затрагивать эту проблему сегодня приходится только лишь потому, что капитализм в России является буквально «слепком» с американского капитализма, основанного на протестантских ценностях, которые очень агрессивно насаживаются в современной России все последние двадцать лет либеральных реформ.

Итак, западный капитализм не возник сам по себе, а под влиянием – **протестантской реформации** христианства, которая произвела на свет новый тип человека, ориентированного на денежные ценности. Целью жизни стали – деньги, накопительство, а главная обязанность хозяйствующего человека была сведена к – приумножению своего имущества. Накопление богатства превратилось в моральный долг нового «экономического человека» по отношению к своей собственности к деньгам.

Однако в западном обществе господствуют не деньги сами по себе, господствуют денежные ценности, возведенные протестантством в ранг высших «духовных ценностей», превращенные в символ веры, в некие общенациональные «святости», символизирующие образ жизни, а значит и его смысл. Таким образом, стремясь к смыслу жизни, западный человек невольно стремится к деньгам и власти, основанной на деньгах.

Новая буржуазная мораль явилась результатом культурной революции, которая произвела новые *смыслообразующие принципы культуры*. Изменение смыслового вектора жизни западного человека привело к формированию новых смыслообразующих принципов жизнедеятельности не только каждого человека и общества в целом.

Буржуа – это **не** обычный человек, это – морально **нездоровый** человек, это человек с явно выраженной *антиобщественной* мотивацией. Свои частные интересы (барыши, денежная выгода) – для него, безусловно, выше всяких там общественных интересов. Понятия народнохозяйственной эффективности и критерии целостности общего (страны, региона) ему глубоко **чужды**. По сути, это – нравственное помешательство, а это уже – *диагноз* [5, С. 90]. Именно таковы в большинстве своем наши олигархи и крупные капиталисты, презирающие общество и народ.

2. Рыночная экономика и личность. В контексте всего вышеизложенного будет логичной постановка следующего вопроса: способна ли капиталистическая система хозяйствования вообще обеспечить нормальные условия для гуманизации труда и воспроизводства рабочей силы? Очевидно, что ответ на этот вопрос имеет сегодня – для капиталистической Рос-